

После того, как я склонился в извинении девятнадцатый раз, у меня закружилась голова. Я без сознания рухнул на землю.

Случилось это на моей подработке в пивном ресторане.

Причина ясна. Любой упадет в обморок, если почти не ест и работает под палящим солнцем.

Заставив себя, я вернулся домой. Тогда глаза стали болеть так, будто их выкололи. В итоге мне пришлось отправиться в больницу.

Поездка туда на такси ударила по моему и так тощему кошельку. Сверх того начальник сказал взять отгул.

Я понимал, что надо сократить расходы. Но не понимал, на что именно.

Вообще не припомню, когда в последний раз ел какое-нибудь мясо. В течение четырех месяцев я не стригся, не покупал одежду – у меня прошлогоднее пальто. Даже с момента поступления в колледж никуда не ходил.

Положиться на родителей не могу. Поэтому мне самому приходится зарабатывать деньги.

Необходимость расставания со своими дисками и книгами заставляла сердце обливаться кровью. Все они были подержанными. Я тщательно подходил к их покупке. Но это единственное, за что я могу выручить деньги. У меня даже не было ни компьютера, ни телевизора.

Так что на прощание я решил хотя бы послушать все диски. Надев наушники, я прилег на коврик и запустил музыку.

Я включил вентилятор с синими лопастями из комиссионного магазина. Время от времени ходил на кухню за стаканом холодной воды.

Впервые я пропустил колледж. Но никто даже не обратит внимания на мое отсутствие. Они, может, даже не заметят, что я взял выходной.

Альбом за альбомом перетекали из стопки справа в стопку слева от меня.

Лето. Мне было двадцать. Но подобно Полу Низану, я не дам никому сказать, что это лучшие годы жизни.

“Нечто действительно хорошее случится с нами через десять лет. Тогда мы наконец-то

действительно почувствуем радость жизни”.

Предсказание Химено не сбылось. По крайней мере, у меня ничего хорошего не происходит. И нет признаков того, что произойдет.

Интересно, чем она занималась. Химено сменила школу в четвертом классе. После этого мы с ней не виделись.

Этого не должно было произойти. Хотя, может, оно и к лучшему. Не находясь со мной в средней и старшей школах, колледже, она не увидела, как я превратился в среднестатистического скучного человека.

Хотя вы могли бы подумать, что пойдя мы с другом детства в одну школу, я, может, даже не закончил бы так.

Когда она находилась рядом, я чувствовал напряжение, в хорошем смысле. Если иногда делал нечто постыдное, Химено смеялась надо мной. Когда изредка делал что-нибудь выдающееся – проклинала меня.

Может, постоянно чувствуя давление с ее стороны, я стремился стать лучше, чем был.

Последние несколько лет я постоянно сожалел об этом.

Что ты, десятилетний я, думаешь обо мне нынешнем?

Прослушав за три дня большую часть дисков, я закинул их все, некоторые даже необходимые для меня, в бумажный пакет. Другой пакет я уже наполнил книгами. И, взяв пакеты, отправился в город.

Я шел под солнцем. В моих ушах звенело. Может, мне мерещилось из-за неровного стрекота цикад. Но ощущалось так, будто звон раздавался прямо у меня в ушах.

Впервые я побывал именно в этом книжном магазинчике прошлым летом. Спустя несколько месяцев после поступления в колледж.

Я еще плохо знал город, так что потерялся. Мне тогда надо было узнать дорогу.

Пройдя вдоль аллеи, а затем, поднявшись по лестнице, я нашел этот книжный. После этого много раз пытался попасть туда снова. Но никак не мог вспомнить, где он находится. А пытаясь поискать, я всегда забывал его название. Вот как обычно бывало. Я попадал туда каждый раз, когда терялся. Словно дороги к магазину изменялись по своей прихоти.

Только в этом году у меня получилось туда попасть, не потерявшись.

Сейчас у магазина цвели ипомеи. По привычке, я проверил передние полки с дешевыми книгами, чтобы убедиться, что там нет ничего особенного. Затем прошел внутрь.

В магазине было мрачно. Витал сильный запах старой бумаги. Я слышал, как в задней части играло радио.

Я прошел через узкий проход, повернулся и позвал владельца магазина. Из-за груды книг высунул усталое лицо морщинистый старик.

Владелец магазина, этот старик, абсолютно никому не улыбался. Обычно он, опустив голову, молча подписывал ценники.

Сегодня же было иначе. Когда я принес много книг на продажу, старик поднял голову. Он посмотрел мне прямо в глаза.

Его лицо выглядело так, будто он чем-то удивлен. Ну, его можно понять.

Ценность продаваемых мной книг, заключалась в том, чтобы перечитывать их снова и снова. Книголюбу, должно быть, тяжело понять, зачем эти книги отдавать.

- Переезжаешь или типа того? – спросил он меня. Его голос был на удивление спокойным.

- Нет, ничего подобного.

- Ну, тогда, – сказал он, опустив взгляд на сваленные в кучу книги. – Почему ведешь себя так расточительно?

- Бумагу не съешь. Недостаточно питательна.

Владелец магазина, похоже, понял мою шутку:

- Денег нет, – пробормотал он.

Я кивнул. А старик сложил руки вместе и глубоко задумался.

Видимо, он изменил свое решение. Старик вздохнул и произнес:

- На оценку потребуется минут тридцать.

И забрал с собой книги в заднюю часть магазина.

Я вышел наружу и взглянул на старый рекламный щит у края дороги. На нем висели плакаты о летнем фестивале, наблюдении за светлячками и звездами, а также о книжном клубе.

По ту сторону забора я учуял запахи татами и ладана, смешанного с ароматом деревьев. Несколько ностальгически. В доме неподалеку звенели колокольчики.

Старик закончил оценивать. Мне заплатили две трети того, что я ожидал получить. Тогда владелец магазина произнес:

- Эй. Мне надо тебе кое-что сказать.

- Да?

- У тебя ведь туго с деньгами сейчас, да?

- Не то чтобы только сейчас это началось, - ответил я двусмысленно. А старик понимающе кивнул.

- Меня не заботит, насколько ты беден. Или почему стал бедным. Просто кое-что хочу спросить.

Старик сделал паузу:

- Не хочешь ли продать часть своей жизни?

Ответ мой запоздал из-за того, что меня сбила с толку странная фраза:

- Часть жизни? - переспросил я, намереваясь убедиться, что правильно его понял.

- Да. Годы жизни. Нет. Не я покупатель. Только знаю, что на самом деле их много продают.

Не похоже, что мои уши сыграли со мной злую шутку из-за жары.

Я на миг призадумался.

Должно быть, из-за страха перед старостью этот старик выжил из ума. Сначала я пришел именно к этому выводу.

Увидев мое выражение, старик продолжил:

– Не могу винить тебя, если думаешь, что я шучу. Или посчитал, что я – старик-маразматик. Но если захочешь убедиться в этой чепухе. Сходи куда тебе покажу. И ты увидишь, что я не лгу.

С недоверием я полностью выслушал его объяснение. Короче говоря, он мне сказал вот что.

На четвертом этаже здания неподалеку есть магазин, который покупает годы жизни. Цена разнится от человека к человеку. Она тем больше, чем более полную жизнь ты проживешь.

– Я на самом деле тебя и не знаю-то. Но не похоже, что ты плохой парень. Полагаю, тебе нравятся книги. Это должно иметь какую-то ценность, не так ли?

С ностальгией я вспоминал тот урок из начальной школы. И понимал, насколько все похоже.

По словам старика в этом магазине можно продать еще время и здоровье.

– Какая разница между годами жизни и временем? – спросил я. – Не уверен, что они как-то отличаются.

– Деталей не знаю. Ведь я никогда не продавал ничего из этого. Но больные до неприличия люди могут жить десятками лет. А здоровые внезапно умирают. Должно быть, разница есть какая-то, так? Хотя не представляю, что это за сделка со временем.

Старик набросал карту на листок блокнота и записал номер.

Поблагодарив его, я покинул магазин.

Я был уверен. Тот магазин, промышляющий годами жизни – лишь фантазия старика. Он придумал его, чтобы чувствовать себя лучше. Должно быть, старик боялся приближающейся смерти. Поэтому придумал про возможность купли-продажи жизни.

Так что, имею в виду, не слишком ли это здорово, окажется оно правдой?

Мои предположения оказались наполовину верными.

Это было действительно слишком здорово, чтобы быть правдой.

Но предположения были также наполовину неверными.

Магазин, который занимается жизнью, действительно существовал.

После продажи книг ноги повели меня в магазин дисков.

Как ужасно, что солнечные лучи отражаются от асфальта. Капли пота стекали с лица. Мне хотелось пить. Но у меня не было денег даже на сок из автомата.

Придется дотерпеть, пока не доберусь домой.

В отличие от книжного в магазине дисков стоял достойный кондиционер. Когда автоматические двери открылись, меня окатил прохладный воздух. Мне хотелось растянуть эти ощущения.

Я глубоко вздохнул, позволив воздуху попасть в легкие. В магазинчике играла известная летняя песня. Полагаю, она все также популярна, как во времена моей средней школы.

Подойдя к стойке, я подозвал светловолосого продавца и показал тому на бумажный пакет в правой руке. Парень с сомнением глянул на меня.

Выражение его лица постепенно менялось на такое, будто я предал его. Оно кричало, мол, как я могу спускать все эти диски. В целом, такая же реакция, как и у старика из книжного магазина.

- И зачем всё это продавать? - спросил меня блондин. На вид ему больше двадцати. Глаза его выглядели поникшими. Он был одет в футболку с рок-группой и потертые джинсы. Пальцы парня нервно двигались.

Как и в книжном, здесь я объяснил обстоятельства, почему мне приходится продавать диски. Продавец хлопнул в ладоши и сказал:

- В таком случае... есть у меня нечто классное для тебя. Может, мне не стоит рассказывать... Однако мне понравился твой музыкальный вкус, дружище. Так что только между нами, лады?

Слово в слово похоже на речь мошенника.

Блондин проговорил:

- В городе есть магазинчик, где купят твои годы жизни!

- Годы жизни? - переспросил я. Конечно, понимая, что это переложение разговора ранее. Но просто надо было переспросить.

- Да, годы жизни, - подтвердил он серьезным тоном.

Это что, какая-то мода - издеваться над бедняками?

Пока я размышлял над ответом, парень быстро все объяснил.

Во многом это оказалась та же история, как и рассказанная владельцем книжного магазина. Но в случае этого парня, казалось, что он на самом деле продал часть жизни. Я решил узнать за сколько. Но продавец увильнул от ответа:

- На самом деле сказать этого не могу.

Блондин нарисовал карту и записал телефонный номер. Даже можно не говорить, что она совпадала со схемой старика.

Поблагодарив парня, я двинул из магазина.

Как только вышел под солнце, меня окутал тяжелый горячий воздух.

Только сегодня. Сказал сам себе, вставляя монетку в ближайший автомат. После долгих раздумий выбрал сидр. Немного подержав двумя руками холодную банку, я открыл ее. Однако пить не торопился.

Сладость приятного освежающего напитка наполнила рот. Я давно не пил газировку. Так что после каждого глотка пощипывало в горле.

Допив, я выбросил пустую банку в урну.

Вытащив из кармана, я взял в руки карты продавцов. Определенно можно дойти пешком.

Создавалось впечатление того, что я действительно собирался пойти туда и продать либо годы своей жизни, либо время, либо здоровье.

Да что я за дурак... Вот глупости.

Закатив глаза, я скомкал бумажки и выкинул их.

В конечном счете я оказался напротив того здания. Оно было старым. Стены настолько потемнели, что невозможно было представить первоначальный цвет. Быть может, даже само здание уже его не помнит. Оно не очень широкое. Создавалось ощущение, что здание сдавили по обеим сторонам другие строения.

Лифт не работал. Поэтому к моей цели на четвертом этаже пришлось подниматься по лестнице. Я потел с каждым шагом, пока поднимался, глотая затхлый воздух. Внутри все заливали светом пожелтевшие лампы.

Конечно, я не поверил в историю о продаже жизни.

Скорее, предполагал возможность того, что продавцы метафорами намекали на прибыльную работу. Они не могли сказать непосредственно о ней. Будто работа сопряжена с риском для жизни.

На двери, найденной мной на четвертом этаже, ничего не было написано. Но почему-то я знал. Это то место, о котором мне рассказывали.

Затаив дыхание секунд на пять, я уставился на дверную ручку. Затем решительно схватил ее.

По ту сторону двери оказалось невообразимо чистое помещение. Особенно если взять во внимание внешний вид строения. Я не показал удивления. В центре стояли ряды пустых витрин. Вдоль стен расположены пустующие полки. Но они каким-то образом воспринимались мной совершенно естественно.

С общей точки зрения, это помещение было очень странным. Словно ювелирный магазин без украшений, оптика – без очков, книжный – без книг.

Вот так его можно сравнить.

Пока со мной не заговорили, я даже не заметил, что кто-то находился прямо рядом со мной.

– Добро пожаловать.

Я повернулся по направлению голоса. И увидел сидящую в костюме девушку. Она взглянула на меня из-под тонкой оправы очков оценивающим взглядом.

И я даже не успел спросить о том, что это за магазин такой. Потому как девушка задала вопрос первой. До того, как я что-то сказал.

– Ваше время? Здоровье? Или годы жизни?

Размышлениями об этом я был сыт по горло.

Хотите дразнить – дерзайте. Дразните.

- Годы жизни, - сразу же ответил я.

Полагаю, позволю завлечь себя в эту игру. Что мне терять на данный момент?

Далеко не точно, но я предполагал, что мне осталось жить лет шестьдесят. По моим расчетам моя жизнь бы стоила шестьсот миллионов иен.

Я уже не так самоуверен, каким был в начальной школе. Однако все еще хранил веру в то, что моя жизнь стоила дороже жизни среднестатистического человека. Так что думал, что мог бы продать ее по десять миллионов за год.

Даже в двадцать, я не мог оставить мысли о моей "особенности". Это убеждение, конечно же, ничем не подкреплялось. Просто я пытался удержать ту гордость меня из прошлого.

Я убегал от реальности, которая не выказывала ни единого признака изменений. Говорил себе, что однажды, несомненно, стану очень успешным. И смогу списать все эти года, словно их не никогда не было.

С каждым годом масштабы успеха, о котором я мечтал, все росли. Чем больше зажимают в угол, тем отчаяннее ты пытаешься вдруг переменить ход игры. Но это ожидаемо. Жертвенный бант в решающем иннинге при отставании в десять очков никакой пользы не принесет. Даже думая о своих стараниях, остается лишь сильнее замахнуться и стремиться к лонг-хиту.

(пп: иннинг, лонг-хит, жертвенный бант - термины из бейсбола)

Достаточно скоро я дошел до мечтаний о бессмертии. Считал, что достигни я таких легендарных успехов, мое имя станет известно каждому. И через века его никогда не позабудут. Меня уже было не спасти.

Быть может, чтобы исправиться, мне нужен кто-нибудь, кто хотя бы единожды, полностью отринет мое существование. Без места, куда можно убежать. Без возможности защититься. Меня надо избивать, пока я не зарыдаю.

Таким образом думая, я считал, что продажа жизни должна стать решением.

Тогда не только мое прошлое, но и вся жизнь будет отринута.

Я пристально посмотрел на девушку. Она была молода. Просто внешне дал бы ей лет 18-24.

- Ваша оценка займет около трех часов, - сказала она, уже начав набирать что-то на клавиатуре.

Я подумал, что это окажется какой-то утомительный процесс. Но оказалось, что мне не надо было даже называть свое имя. Не говоря уже о том, что цена чего-то настолько незаменимого, как человеческая жизнь, станет известна часа через три.

Само собой цена принимается строго ими. И не является универсальной для всех. Однако один стандарт все же существовал.

Покинув здание, я бесцельно шатался по округе. Небо начало темнеть. Ноги устали. И я был голоден. Хотелось зайти перекусить в ресторанчик, но лишних денег у меня не было.

Как удачно, что нашел в торговом районе на скамейке пачку сигарет “Семь звезд” и стоиеную зажигалку. Оглядевшись вокруг, я не увидел никого, кто мог бы быть их владельцем.

Присев, я небрежно сунул пачку и зажигалку в карман. После направился в аллею. Стоя на кучке деревянных обрезков, я поджег сигарету и глубоко затянулся. Много времени прошло с последней сигареты. Так что, в горле запершило.

Закончив курить, я пошел к станции. В горле снова пересохло.

Сев на скамейку на площади, я наблюдал за голубями. Средних лет женщина напротив меня кормила птиц.

Внешний вид ее казался слишком неподходящим для ее возраста. И разбрасывала еду она как-то беспокойно. Пока я наблюдал за ней, меня охватило чувство, которое я не мог объяснить.

К тому же, смотря за тем, как птицы клюют хлеб, я возненавидел их за то, что только больше разожгли мой голод. Однако я был не настолько голодным, но уже близок к тому, чтобы начать клевать крошки вместе с голубями.

Надеюсь, мою жизнь купят подороже... Так я думал.

Как и многие продающие что-нибудь люди, я пытался прикинуть, сколько будет стоить жизнь. До того, как узнаю настоящую стоимость.

Поначалу я рассчитывал на шестьсот миллионов. Но стараясь не преувеличить, я пытался представить худшее развитие событий.

Беря это во внимание, я думал о трехстах миллионах. Будучи ребенком, полагал, что стою три миллиарда. По сравнению с детскими ожиданиями получается довольно скромно.

Но я переоценивал. Я помнил о фразе Химено. Что среднестатистический служащий тратит за

жизнь 200-300 миллионов.

Еще в начальной школе я первый раз думал о стоимости жизни. Тогда слышал протесты одноклассницы со ждущими ее в будущем мрачными перспективами. Мои мысли были таковы: “Ничего бы я не дал за возможность прожить твоей жизнью. Даже бы спросил плату за утилизацию!”. Я забыл об этом.

В магазин вернулся я раньше и задремал на диване. Меня разбудила девушка, позвав по имени. Похоже, оценивание завершено.

– Господин Кусуноки, – сказала девушка. И сказала она это однозначно. Не помню, чтобы называл мое имя или давал другие данные. Но, так или иначе, они знали его.

И вправду. В конце концов, ведомые здесь дела за пределами здравого смысла.

Странно. По возвращении в магазин я был готов поверить в эту сомнительную историю о продаже жизни.

Я мог назвать ряд сложных причин, почему так случилось. Но больше всего на их фоне выделялась девушка.

Наверное, странно получить такое первое впечатление о человеке в самую первую встречу с ним. Мне казалось, что она не могла лгать.

Некоторые люди ненавидели неправоту. Они не могли ничего поделать со своим чувством справедливости и образом мышления. Даже со своим достоинством. Именно такое впечатление я получил об этой девушке.

Вспоминая об этом, я пришел к пониманию того, что, возможно, мое чутье не совсем верно.

Давайте вернемся к оцениванию...

Только услышав слово “три” из уст девушки, я уцепился за надежду в глубине души. Думаю, тогда на секунду в предвкушении лицо мое засияло. Неосознанно я подумал про верность моих детских догадок о трех миллиардах.

Девушка, заметив мое выражение, неловко взглянула и почесала щеку указательным пальцем.

– Вот результаты оценивания. Как поступите?

Поначалу я посчитал, что триста тысяч на листе означают стоимость одного года.

Получается 24 миллиона, если всего восемьдесят лет. Сам себе я в голове повторял "24 миллиона".

Я почувствовал, как силы покидали мое тело. В любом случае это, несомненно, слишком дешево?

Во второй раз я засомневался в магазине. Может, все подстроено для телевизионного шоу. Или это психологический эксперимент. Нет. Возможно, лишь гадкий розыгрыш.

Все бессмысленно, как бы я не оправдывался. Лишь моему здравому смыслу было тяжело. Другие чувства кричали мне, что она права. И я верю, что при столкновении с чем-то иррациональным, именно им мы и доверяем.

В любом случае, мне придется признать цифру в 24 миллиона. Одно это уже требовало какого-то мужества.

Но девушка передо мной открыла мне более жестокую правду:

– Выходит по десять тысяч иен за год. Самый минимум, который можно извлечь из жизни. Вам осталось тридцать лет и три месяца. Так что вы можете уйти отсюда с тремястами тысячами иен.

Я засмеялся. Не потому что воспринял ее слова, как шутку. А потому что я не мог ничего поделать, столкнувшись с кошмарной реальностью.

На листке красовались результаты. В сто крат меньше моих ожиданий.

– Конечно, это никак не отражает общечеловеческую ценность. Это вычисляется строго в соответствии с нашими критериями, – сказала девушка, словно оправдываясь.

– Мне хотелось бы побольше узнать о ваших критериях, – спросил я. Она недовольно вздохнула. Должно быть, этот вопрос ей задавали сотни и тысячи раз.

– Детальным оцениванием занимается отдельный орган. Поэтому я сама не знаю особенностей. Но мне говорили, что такие факторы, как счастье, самореализация, значимость для общества могут значительно влиять на стоимость... Если коротко, ценность оставшейся жизни определяется тем, насколько вы будете счастливы жить, как много воплотите мечтаний и как много принесете пользы обществу. И тому подобное.

Абсолютная беспристрастность вновь сбила меня с ног.

Все было бы в порядке, если бы я ничего не стоил лишь по одному из критериев. Например, не

буду счастлив или лишь не сделаю никого счастливым, либо только не смогу осуществить мечты или принести пользу обществу.

Но если не буду счастлив и не сделаю никого счастливым, не достигну какой-нибудь мечты и не внесу вклад в общество... то я даже не знаю, где мне найти спасения.

Сверх того тридцать лет – недалеко ушли от двадцати. Похоже, я скончаюсь от серьезной болезни? Или попаду в аварию?

– Почему моя жизнь такая короткая? – спросил я, подумав, что хотя бы стоит попробовать.

– Мне жаль... – сказала девушка, немного склонив голову. – Я не имею права разглашать какую-либо дополнительную информацию. Только тем, кто продал свое время, здоровье, либо жизнь.

Нахмутив брови, я глубоко задумался.

– Дайте мне немного подумать.

– Можете не торопиться, – ответила девушка в таком тоне, будто желая, чтобы я уже принял решение.

В итоге я продал все тридцать лет, оставив лишь три месяца.

Моя жизнь от подработок до событий в книжном и магазине дисков возматерила во мне терпимость к нечестным сделкам.

Пока девушка просила подтверждать детали договора, я во многом, не задумываясь, просто кивал. Даже когда она спросила, есть ли у меня вопросы. Я сказал, что нет.

Мне просто хотелось покончить со всем и убраться оттуда. Из того магазина. Из той жизни.

– Вы можете совершить операции три раза, – сообщила девушка. – То есть вы сможете еще дважды продать жизнь, время или здоровье.

С тремястами тысячами в конверте я покинул магазин.

Хотя после произошедшего внешних признаков или понятия того, как это случилось, не было. Но я определенно ощущал, что потерял часть своей жизни. Чувствовал, что девяносто процентов чего-то покинуло меня.

Говорят, что курица может какое-то время бегать с отрезанной головой. Думаю, это точно такое же чувство. Наверное, меня уже можно назвать трупом.

Чувствовалось какое-то раздражение в теле. Вот и все. Я гарантировано умру, не дожив до двадцати одного. Однако рассчитывал до восьмидесяти.

Тяжесть каждой секунды была больше чем когда-либо.

До этого я подсознательно считал, что у меня еще осталось шестьдесят лет. Но имея лишь три месяца в запасе, я сгорал от нетерпения. Будто у меня было какое-то дело.

А сегодня мне хотелось дойти до дома и лечь спать. От хождения повсюду я совершенно вымотался. О предстоящем мне хотелось думать лишь после того, как хорошо отдохну и буду прекрасно себя чувствовать.

По пути домой я прошел мимо странного человека. Выглядел он лет на двадцать. Шел он один. С улыбкой на все лицо. Будто не мог ничего поделать с тем, что получает удовольствие. Это меня невероятно раздражало.

Я заглянул в магазин алкогольных напитков в торговом районе и купил четыре банки пива. Потом в магазине, на который наткнулся, взял пять частей кур-гриль. И направляясь домой, я все это поглощал.

Осталось три месяца. Нет смысла так волноваться о деньгах.

Давно я не употреблял алкоголя. Он успокоил меня. Однако, возможно, это была не лучшая идея.

Мне в мгновение ока стало плохо. По возвращении домой я потратил минут тридцать, пока блевал.

Вот так начались мои последние три месяца жизни.

Едва ли не худшим из возможных вариантов.

Авторы перевода – NHT, Voiceover

<http://tl.rulate.ru/book/367/59545>